

Глава первая

Веселые старты

□ осетитель, впервые оказавшийся в кабинете ректора Института гражданской космонавтики, сразу же попал под прицел внимательных серых глаз. Была у Мухина такая манера: выслушав приветствие, чуть ли не минуту молча мерить взглядом вошедшего. Прошин эту манеру знал и потому, закрыв за собой дверь, стоял, равнодушно скользя взглядом по обстановке помещения.

Ничего примечательного: стол буквой Т, стулья. Компьютер. Шкаф с книгами за спиной ректора. Картины в простенках между окнами — Мухин писал их в санатории, когда после аварии на Ляонине врачи запретили ему даже думать о космосе.

— Здравствуй, Ваня, — сказал Мухин. — Проходи, присаживайся.

Прошин отодвинул стул и сел подле ректора так, чтобы видеть картины.

Ближе к двери, чуть касаясь простенькой деревянной рамкой тяжелых портьер, висел пейзаж с изящными

деревцами, бросавшими тень на густую траву. Закатное солнце заливало золотом верхушки дальних гор, золотом же умащивая одинокую тучку. Насколько знал Прошин, художник несколько приукрасил действительность: в том мире все время кто-то кого-то жрал. Планета Муром. Такой мир... живой очень.

— Ты у нас только что с Марса, так? — Мухин глянул на посетителя.

— Да, Олег Владимирович, с Марса.

На следующей картине под свинцовыми облаками ветер гнал свинцовые волны, брызгами разбивавшиеся о гроздь стеклянных пузырей. Пузыри поднимались над водой на сваях, наполовину утопали в бурном море, полностью уходили под воду, и в каждом горел теплый огонек человеческого жилья. Город на сваях. Планета Океан, мир большой воды.

— Ну и как впечатления? — спросил ректор, уставившись на экран компьютера.

— Хорошие впечатления, Олег Владимирович, — после недолгой паузы ответил Прошин, — в докладе изложены.

Над столом Мухина висел пейзаж с видами Ляонина. Три зеленые пирамиды, плывущие над морем джунглей, главная достопримечательность и главная загадка планеты.

— Да, да, — кивнул ректор, не отрываясь от клавиатуры. — Значит, смотри, Ваня: на Холте собирают экспедицию по рэнитам, возглавит ее профессор Джангулян, знаешь его?..

Прошин неопределенно пошевелил пальцами правой руки, лежащей на столе, — о планете Холт он знал почти все, о Джангуляне почти ничего. Мухин продолжил говорить:

— Задумали большое мероприятие: поисковая экспедиция в Туманных горах и, если что найдут, раскопки. Миссия на Колоссе — у рэнитов там была база, но исследовать ее не стали, оставили до лучших времен. Так вот, Геворг Арамович — историк, большой специалист по цивилизации Рэн, просил прислать сотрудника Института.

Под тяжелым взглядом Прошин заерзал в кресле и, сокрушенно покрутив головой, сказал:

— Олег Владимирович, да я же только что с Марса! — В голосе зазвучали возмущенные нотки: — Что, во всем Институте никого не найти для такой командировки? На всей планете?!

В его словах был резон: в штате Института числились и более опытные, и более грамотные работники, да и отделения в Самаре и Челябинске имели свои аспирантуры. Кроме того, командировка на Марс выхватила девять месяцев из жизни Ивана Прошина: месяц он просидел в карантине сначала на Земле, потом на Красной планете, месяц ушел на дорогу и полгода Иван выполнял различные задания Института непосредственно, как это говорится, на грунте. Межзвездное путешествие, предложенное ректором, грозило затянуться на пять лет, причем сами археологические изыскания занимали в лучшем случае год.

— А некому, Ваня, — покачал головой Мухин. — Ты у нас один остался свободный, все аспиранты наверху — Платформу готовят...

Он развел руками и уставился на Прошина.

— По рэнитам Парфентий работал, — пробормотал Иван. — Олег Владимирович, у меня долги накопились...

— В долгах ты, братец, не из-за командировок, а из-за собственного разгильдяйства, — усмехнулся Олег

Владимирович, — и потом, долги твои — вопрос решаемый. А Парфенов не может — у него сын вчера родился.

— Я кандидатскую провалю... — сделал еще одну попытку Прошин.

— Думаю, отчет о твоей командировке можно засчитать за проект диссертации.

— Вот так запросто, — усомнился Иван.

— Ну, это должен быть хороший отчет, — Мухин улыбнулся — словно солнечный зайчик заиграл на каменном лице человека-легенды. — Мы дадим тебе перечень вопросов, да он готов уже, я только твой планшет в сети не вижу...

— А, сейчас включу, — Прошин завертелся на стуле, выуживая из кармана коммуникатор.

— Вот, вижу. Отправляю тебе папку, там Парфенов составил перечень вопросов, проездной до Байконура, посадочные талоны... Командировочные придется оформлять в бухгалтерии, у них там новые порядки, — Мухин покрутил головой, явно новые порядки не одобряя.

— Да мне ж на МТ пилить, бешеные же деньги, и на обсервацию я не успеваю, — не сдавался Иван.

— Ваня, ну что ты, Ваня, — Мухин страдальчески вздохнул. — Ну, ты же знаешь — после Луны веры им нет, Миллеру пришлось наших ребят с собой таскать, чтобы под регистраторы, под личную подпись оформляли открытие. И ты так же: снимай видео, фотографируй, все под электронную подпись — твою и руководителя экспедиции, информация уйдет с тобой на Землю, а то знаешь же нашу связь... Придешь ко мне кандидатом наук.

— Но...

— Не понимаю я этого, — словно в пространство сказал ректор. — Я в твои годы из командировок вообще не

вылезал — новые миры, далекие звезды... Ты в Институт зачем поступал, Вань?..

* * *

К обеду ветер разогнал последние тучи и сам поутих, только-только шелестя ветвями березок, подсушивая сырую после утреннего дождя траву в помощь солнышку, спешившему отогреть промозглую влагой землю. Между березами и зарослями ольхи журчал ручеек, без затей названный Малым, с одного берега подпираемый соснами и березами Козловского леса, с другого, через небольшую поляну, забором турбазы.

Расположились возле ручейка, презрев удобства мангальной зоны. Расстелили пару одеял, распотрошили сумки и пакеты со снедью, кухонными принадлежностями. Готовить подрядилась Иринка Парфенова, оставив Славика нянчиться с сынишкой, помогать ей взялись Иринка же Кивилиди и Катя Никифорова, за Катей увязался Паша Герман, объявив, что женщин к мясу подпускать нельзя, а за дровами пойдут Вованы. Вовка Рыжий и Вовка Абдуллин тут же объяснили ему, кто пойдет, куда и с какой скоростью, и дело решил коньяк, разлитый по рюмкам, выпитый, усвоенный: «Пошли, Вовка». Яков взял гитару, и гитара бренчала: «А на безекторе скакал зеленый чертик...», мягко перебирала: «Ой, пойду, пойду...» Свободные от готовки перебрасывали мячик с взрывами хохота, криками: «Картошка!..» — вперемежку с требованиями не баловаться возле походной кухни. Один раз «картошка» отскочила прямо в тазик с салатом, и Катя выдала звонкую тираду, весьма энергично призывавшую игроков к порядку.

Отдохнуть за городом собрались двадцать человек из всего выпуска-2150. Жизнь раскидала вчерашних студентов: кто мерил просторы Солнечной, кто пробовал на вкус черствый хлебушек колониста, кто готовил Платформу к Эдему, а кого и среди живых не сыщешь. Сейчас примерно половина собравшихся прибыла из командировок, примерно половина собиралась в командировку, и первая половина позволила себе заправиться спиртным, загадочно подмигивая второй: «Пробочку понюхаешь?..» Никто, впрочем, не безобразничал. «Вся страна, весь мир смотрит на вас, — говорили им с первых занятий и до сих пор. — Помните, кто вы». В ближайшее время всем — кому раньше, кому позже — придется проходить медосмотры, сидеть в карантине перед стартом орбитального самолета, и жестокая медкомиссия запросто могла отсеять любителя выпить. Относительно свободными могли считать себя разве что чета Парфеновых да Иракий Цхилава, по весне еще повредивший спину на горнолыжке, остальные перебрасывали мячик, приюхиваясь к ароматам, издаваемым походной кухней, три парочки улизнули в разные стороны, желая уединения, каковое было им предоставлено со всяческим пониманием.

Прошин растянул куртку на максимум — хватило укрыть Татьяночку и самому накрыться: солнышко солнышком, а в тени да возле родника ветерок протягивает... Так и сидели, прижавшись друг к другу, и локон волос возле Таниного ушка с красной каплей сережки цекотал губы Ивана.

— Андрюшка прикольный, — сказала девушка.

Иван промычал что-то неразборчивое. Было тепло и уютно. Говорить не хотелось.

— Иринка сказала, будет до трех лет сидеть. — С Андреем Вячеславовичем тетешкались все девчонки, и мальчонка регулярно орал, требуя мамкино внимание и сиську.

Мужчины, поздравив молодого отца, снисходительно поглядывали на этот своего рода ритуал, и вся компания примеряла на себя жизненные обстоятельства Парфеновых, как бы спрашивая: «А что бы я сделал?»

— А Славик? — спросил Иван.

— Дальше Луны вроде обещали не посылать, — Таня вздохнула. — А там посмотрят. Может, в интернат сдадут.

Личная жизнь у космонавтов не складывалась. На словах Институт и Межкосмос радели за счастливые семьи тружеников межпланетных пространств. На деле...

Рук не хватало. Внеземелье, словно омут неразрешимых противоречий, затягивало людей, норовило утащить на дно, сковав по рукам и ногам очередным комом проблем. К звездам уходили тысячи; возвращались единицы обессиленных, нередко искалеченных людей, не желавших уже ничего кроме покоя обеспеченной старости. Вот и сидели они, Иван да Татьяна, молчали о планах на совместное будущее, включавшее, помимо прочего, такой же розовый комочек в пеленках, пусть и не говорили они о чем-то таком, но что-то такое подразумевалось.

А теперь пять лет разлуки. Жди меня, и я вернусь, да-да.

— Ничего нельзя было сказать? — спросила Таня.

— Что ему скажешь... — Прошин уставился на вершущи деревьев. — Надо, Ваня, и все тут.

— Может, мне сходить? — Таня еще теснее прижалась к Ивану.

- Ага, и тебе найдут... командировочку.
- А тогда... нет, и это нет.
- Что?.. Ну, говори, — Иван погладил девушку по спине. — Ты не замерзла, вообще?
- Нет, нормально. Я подумала... в Правилах пункт был, что семейные пары Межкосмос не разлучает.
- Да?!
- Что? Что ты на меня так смотришь?
- Ну... я не знаю... ну... может быть... И что?
- Да ждать долго. В загсе очередь, все дела.
- А. Ну да, — Прошин замялся, чувствуя, с одной стороны, облегчение, с другой... кажется, они что-то теряли. Сложно было все. Неправильно.

Таня посмотрела на него с иронией, и ирония эта окончательно разделила их.

— Что? — в который уже раз спросил Иван, чувствуя себя без вины виноватым. — Что ты так смотришь?

Он вывернулся из-под куртки, вскочил, сыпанув в журчащую воду маленькую гальку вперемежку с землей.

— Что, я, что ли, это путешествие выдумал?! — крикнул Прошин. — Иди к этому...

Даже сейчас у него духу не хватило придумать Мухину какой-нибудь неласковый эпитет.

— Иди объясни ему что-нибудь!.. Он же скажет: ты учился столько, столько усилий на тебя потрачено...

Таня ни слова не сказала на Иванову тираду, все так же сидела у бормочущей воды и вполоборота смотрела на Прошина. Иван осекся.

— Тань... Я...

— Да понятно, — девушка отвернулась.

— Таня...

Звуки, доносившиеся со стороны турбазы — выкрики игроков, удары мячика о землю, крики Андрюшки, отдельные разговоры — внезапно превратились в общий галдеж, достигли апогея и оборвались — тишиной, резко.

— Что-то случилось, — сказал Иван.

Таня улыбнулась в ответ — в глазах заиграли искорки:

— Ракопауки напали. — Прошин хохотнул в ответ и протянул руку, помогая зазнобушке подняться на маленький обрывчик.

«Ракопауками» оказались моложавый офицер полиции и два патрульных в легкой броне; пилот остался в коптере — белый с синими полосами кокпит виднелся из-за ограды турбазы. Бравые космены стояли теперь вокруг скатерти с салатиками и слушали старшего наряда.

— Я все понимаю, — говорил офицер, обращаясь к Славику Парфенову, — собрались отдохнуть, давно не виделись — святое дело. Но, ребята, мясо пожарить можно и в мангальной зоне — что, пожары давно не тушили? А нас в июле снимали в помощь пожарным, столько возгораний было по области. Кроме того, жалобы поступают от людей, что некая компания не соблюдает режим тишины после двадцати трех часов. Вот совершенно не хочется возиться протокол составлять...

— Что случилось? — спросил Прошин Якова.

— Что, что... — гитарист цыкнул зубом. — Нефиг было всю ночь ржать. По-любому, та тетка с дитенком накапала.

— А Вован?..

— Вована успокаивают, — отмахнулся Яков.

Рыжий Вовка отволоч к «Циолковскому» грузовую платформу, по случаю удачного возвращения принял на грудь и в состоянии подшофе имел неприятную особенность видеть в окружающем одни препятствия и помехи, каковые надлежало устранять пудовым кулаком — размахнет, и объясняй потом местным правоохранителям, что другого такого экзоператора во всей Солнечной не сыщешь... Но рядом с Рыжим стояла Анна — ее никогда не называли Анкой или Анечкой — статная чернобровая девушка, единственный человек на всем свете, кого лучший экзоператор Солнечной не смел принять за препятствие. Один раз, на первом курсе еще, попробовал — не ударил, замахнулся только, так потом колени сшоркал вокруг женской общаги: цветы, конфеты — кое-как вымолил у гордой казачки прощение. Девушка обнимала парня, гладила по руке, и Вовка стоял красный, молчал, слушал.

Под гомон девушек и уверения парней: «Мы больше не будем, простите нас, пожалуйста», офицер закончил нотации, посмотрел, как притихшая компания перемещается на территорию турбазы, после чего полицейские сгрузились в винтокрыл. Космонавты поспешили заесть и запить все произошедшее, и жареное мясо с гарниром из помидоров-огурцов под армянский коньяк быстро успокоило разыгравшиеся страсти, так что даже Прошин с Татьяной забыли о своих невзгодах, тем более не вспоминали оставшуюся ночь, и прощание поутру, невнятное, скомканное, прошло как пустая формальность.

Самое главное они решили накануне.

Дальний путь начинался в карантине Байконура. Ну, то есть по возвращении с пикника Прошин, Яков и Рута с Анатолием прошли освидетельствование

в поликлинике Института. Потом был рейс «Эйр Астана» в Кызыл-орду, скоростной поезд до Байконура, резво пересекавший просторы Великой степи и последние тридцать километров проходивший по тоннелю под зоной отчуждения. Три с половиной тысячи километров за сутки с небольшим, но все это в домашней, можно сказать, обстановке, когда на медосмотре милейший Вилен Иванович: «Все хорошо, Ваня?.. А, ну, легкой дорожки, печать в регистратуре», — а в самолете роскошный аэрофлотовский ужин и улыбка стюардессы — влюбиться и никуда не лететь, и Танечка только что рукой махнула, она здесь, недалеко совсем, родная, близкая, и поначалу за улыбки-переглядочки с симпатичными девушками печалит тоска. Огни городов за бортом; утренний аэропорт в Кызыл-орду; манты и горячий чай с лепешками в буфете; Яков кормит овечку, заблудшую в аэропорт, позирует с животинкой для делегации не то китайцев, не то японцев; звонок Татьяне: «Как ты?» — «Держусь...» Серебристые снаряды поезда, выжженная солнцем степь и хайтек-архитектура байконуровского вокзала (а кормят дорого и невкусно).

Дорога стелется, тысячи километров в дружной компании... рай на земле — у коня в седле.

Отдел кадров. Раньше космонавтов везли со Звездного городка сразу в гостиницу, каждого знал директор Роскосмоса лично, сейчас же приходится махать паспортом, заверять электронной подписью документы... Эйчар долго разглядывал Прошина, и тот вспомнил было про сорванную обсервацию, но нет, из отдела кадров отправили сразу на комиссию.

Тесные объятия медслужбы Байконура. Первичный осмотр: пальпация. Анализы. Санобработка... просто

душ с ионизированной водой; серая одноразовая пижама, тапочки, одежду уничтожили. Можно запаковать и отправить по адресу — да некуда и незачем, опять же... Анализы — зеленый свет, хотя доктора делают замечания: много жирного ел. Симпатичная медсестра, доктора в белом — молодой парень, чернявый, улыбочивый, и мощная тетка, жгучая брюнетка с короткими завитками волос. Опрос, самочувствие, осмотр. Вежливо, спокойно, никто не ругается, хоть и сказали: «Обсервацию вы просрочили, молодой человек. — Прошин собрался оправдываться, собрался... — Ничего страшно-го. Пара дней туда — пара дней сюда».

Вот влип.

Стандартные процедуры, настоящий конвейер, когда все знакомо, все на автомате, оставляют наедине с собой, и волей-неволей начинаешь думать о предстоящем путешествии, и к посещению психолога беспокойство уже просто снедает.

Психолог — мужчина, что называется, в расцвете сил, белый халат на мускулатуре... не то чтобы по шву трещит, но уж очень облегает. Эдакая вот челюсть — ему ротой командовать: «У солдата выходной!.. Пуговицы в ряд!..» — короткая стрижка...

— Жалобы есть?

— Нет.

Доктор отвернулся от компьютера. В кабинете на стенах детские рисунки — ракеты, человечки в скафандрах, неумело, но с душой выполненный пейзаж (кстати, долина Грез на Муроме, известнейшее место), человечки без скафандров, цветы... Кресло под посетителем мягкое, гораздо удобнее стульев в других кабинетах и в самом помещении полумрак, из

полуоткрытого окна легонький ветерок шуршит ленточками жалюзи.

— А чьи рисунки? — спросил Иван.

— Дочки, — красивая улыбка. Мужественная. Нет, если крикнет: «Вперед!.. За Родину!..» — точно в атаку пойдешь.

— Лететь не хочется?

— Нет, — врать тоже не хотелось.

— Понятно, — доктор вздохнул. — Знаешь, история обычно никого и ничему не учит, но если попробовать... все войны выигрывали солдаты, знавшие, почему и за что они идут в атаку... Что?

Иван спрятал улыбку:

— Нет, ничего. Я должен отдать свою жизнь ради блага всей Земли?

— Мм, нет, не об этом речь. Вряд ли на Земле прибавится блага, если ты отдашь свою жизнь, но ты должен решить, стоит ли отправляться в дальнюю дорогу. Я понимаю, что происходит, — то ли серые глаза доктора обладали гипнотическим свойством, то ли его тихая речь была причиной, но Прошин весь обратился в слух, — ты учился столько лет, серьезные, по-настоящему авторитетные люди сказали тебе — надо лететь — и своим авторитетом не оставили выбора. Но на самом деле выбор есть.

— Да ну?.. Я по жизни ничего другого и не знаю...

— А это тебе кажется, — психолог чуть заметно улыбнулся. — Ты с молодых ногтей привык к определенной обстановке, профессия стала твоей второй кожей, это твоя зона комфорта. Но твои знания вполне позволяют устроиться в обычной гражданской фирме — Институт поддерживает контакты с десятками работодателей по

стране, да что там по стране — в любой точке планеты тебя с удовольствием возьмут на должность, и должность немаленькую. Вот, Джонсона вспомни.

— Да надо лететь... — проямлил Иван.

— Надо. Долг требует, — согласился доктор. — Но очень важно, чтобы доверенное тебе задание стало твоим личным делом. Твой сегодняшний настрой: «А, подавитесь...» — с гарантией убьет тебя и твоих товарищей. Ваня, ты же с младых ногтей в космосе, вспомни — в чем суть работы космонавта?

— Ждать и догонять...

— Да. Правильно. Ты ждешь. Время тянется, корабль ползет по орбите, хочется убить время как муху, а потом...

— Потом время убивает тебя.

— Да. Поэтому ты должен решить, зачем ты делаешь это. Готов ли ты ждать и догонять. Стоит ли вообще начинать что-то. Я ставлю «годен» и даю тебе персональное задание: за десять дней в карантине ты должен решить, готов ли ты, должен осознать, что и зачем ты делаешь. Решай и будь честен с самим собой, потому что от твоего решения зависят жизни множества людей на орбите и у далеких звезд.

— А если нет? Прощай Межкосмос?

— Да почему... — доктор поморщился. — Ты что же, не знаешь, сколько в агентстве вакансий? Нормальные, деловые должности, да тебе необязательно кандидатскую защищать — с руками и ногами оторвут хоть сюда, хоть на Свободный. А то, может, экзотики хочешь?.. Так вот тебе Вэньчан, вот тебе Канаверал... Позвони мне. Или подойди лично, но решение — прими. Раз и навсегда. Все понял?

— Понял, — хотя подмывало ответить: «Так точно!..»

— Вот и молодец. Все, отметку я поставил, иди к терапевту.

После медосмотра будущих пассажиров орбитального самолета заселяют в кубрик на десять человек. Белые стены, кровати с белоснежными простынями, посередине стол в виде кляксы (белой), во всю стену окно со светофильтром, за окном аллея с елочками. Еду привозят в кубрик, врачи приходят сами, два раза в день. Сиди себе.

«Карантин — самая важная часть пути, — внушали им преподаватели. — Врачи могут поставить „годен“, могут отстранить человека по медицинским показателям, но никто не сможет создать положительный настрой в коллективе людей, собравшихся в далекое и опасное путешествие. Это ваше дело. Никого не оставляйте наедине с собой, общайтесь; как бы ни был человек вам лично неприятен, ищите в нем положительные стороны. Начинайте с людей, симпатичных лично вам».

— Мадемуазель, разрешите... — Яков строго следовал инструкции.

— Ах, мерси, — девушка приняла тарелку с салатом.

Десять человек, пассажиры орбитального самолета «Волга», впервые увидели друг друга за обедом. Совместный прием пищи с самого начала предполагал доброжелательный настрой в коллективе, и никто не собирался упустить шанс произвести хорошее впечатление, особенно когда это впечатление предполагается производить на красивую девушку.

А девушка была чудо как хороша. Их обрядили в казенные серые пижамы, которые на мужчинах сидели вкривь и вкось и совершенно не подчеркивали женские прелести, но конкретно эту представительницу прекрасного

пола пижама облежала так, что... Может быть, дело было в красивой, немного грустной улыбке, тенью мелькавшей на губах. Может, глаза — большие, карие, с длинными ресницами, смотрели так. Может, та же улыбка трогательно морщила правильной формы нос...

— Месье француз? — спросила прекрасная незнакомка.

— Ну дык блин, — отозвался Яков. — Яков.

— Светлана.

— Вы летите на Луну? — Ближайшие пять лет Якову предстояло управлять движением межпланетных буксиров на окологалактической орбите, дело свое он знал, любил, и девушек любил, и очень хотел, чтобы Светлана направлялась к Луне...

— Нет, мне немножко дальше.

— Неужели на «Циолковский»? — удивился крепкий сухопарый мужчина азиатской внешности.

Он подмигнул Якову и в раскосых глазах заиграли искорки.

— Нет, мне на «Поллукс Виктори».

— У-у, — Яков поднял руки, — вот кто нас обскакал.

Он указал подбородком на Прошина.

— А вам на «Викторию»? — спросила Светлана.

— Да, — пробормотал Иван, краснея.

— Засмущали парня. Света, мы втроем на МТ, — сказала Рута и представила всю компанию: — Я Рута, это Толик, мой муж, это Иван, а этот Казанова уже представился. Ваня, ну ты теперь присматривай за Светланой.

— А за мной надо присматривать? — Светлана позволила себе чуть нахмуриться.

— Света, не обижайся, — улыбнулся Толик, — новичку сложно ориентироваться на космической станции,

а Иван у нас опытный товарищ, подскажет, поможет где что. Ему даже зарплату за это добавляют, — он подмигнул Прошину.

— Ну, уговорили, — рассмеялась Светлана. — Циолковский — это ведь ученый?

— И ученый, и кочующая станция у газовых гигантов. С вашего позволения — Алтай. Алтай Жунусов.

— Очень приятно.

— Рута, и нас представьте, — попросила импозантная дама средних лет, сидевшая рядом с мужчиной, похожим на нее так, что всем было ясно — это семейная пара.

— Да, — спохватилась Рута, — это наши коллеги, Ежи и Марица, наши с Толиком, в смысле... Мы вчетвером летим на Океан. Ребята, а вы?..

— Мы на Марс, — молодые люди, Любовь и Владимир, сидевшие подле океанологов, оказались учителями географии, отправленными на Красную планету после окончания института.

— Так география же, — Яков сделал упор на слог «гео», — а вы на Марс, там уже вроде марсография должна быть.

— Да сколько той марсографии, — в тон ему ответил Владимир. — А детишкам надо родину знать, Межкосмос готовит программу реабилитации, будет вывозить марсиан на Землю.

— А вы на орбиту или на планете будете жить? — спросила Рута.

— Школу открывают в Ново-Николаевске, — ответила Любовь, — марсиане деток собирают на планете, детям невесомость особенно вредна.

— Вот жизнь, — вздохнул Алтай, — и на Марсе человеку семья нужна, дети... Своей школы на Марсе не было?

— Нет, — ответил Владимир, — они где сами справились, где видеоуроки включали. А сейчас Минобр дал команду открывать общеобразовательную школу и принимать марсиан в земные вузы без экзаменов. Ну, в смысле, только родившихся на Марсе.

— Да им и так везде все без очереди, — пробормотал Яков.

— Это если они сумеют адаптироваться, — заметила Светлана и спросила: — Вас по распределению послали?

— Ну, был конкурс, — сказала Любовь, — по всем вузам России. Им же надо целую школу укомплектовать...

Полетели дни карантина — десять дней процедур, физических упражнений и прочих ухищрений, призванных помочь человеку выбраться из земной колыбели и выжить под жестким светом звезд. Кроме того, отправлявшимся на другие миры предстояло пройти курс первичной адаптации к условиям планеты: прививки, после которых очень хотелось спать, питательные коктейли, провоцировавшие метеоризм и превращавшие весь карантин в сонную беготню вокруг туалета, посещение барокамеры, воспроизводящей атмосферу Холта, Муромы и Океана. Присадили метку-маркер, инъекцию наномашин, расплзшихся под кожей — метка показывает местонахождение космонавта в пределах досягаемости связи, так что тянуть волынку в космосе не получается — начальство тебя видит двадцать четыре на семь. На глаза положили бионические линзы. На грунте эта штука не каждому по карману, люди предпочитают пользоваться i-очками, а на космической станции без них невозможно пользоваться метками дополненной

реальности, помогавшими ориентироваться в паутине путепроводов.

Прошин стоял у окна. За окном накрапывал дождик — редкость для этих мест. По стеклу ползли капли воды, елочки на аллее Космонавтов умылись и, кроме одной бедолажки, зазеленели стройными красавицами; подрагивала травка под деревьями.

— Никогда не думала, что космос начинается с... — Светлана запнулась.

— С туалета? — также глядя в окно, спросил Прошин. — Да, такая вот специфика.

— Это обязательно... такие мучения?

— Да, — Иван вздохнул. — Врачи выясняют, можем ли мы существовать в условиях чужой планеты... да и в космосе, на борту корабля надо выжить.

— А есть люди, которые не могут... которым нельзя?..

— Да, есть. В космосе ты постоянно под напряжением — в обшивке космического корабля генерируется электромагнитное поле, по-другому не защититься от жесткого излучения, на планете надо что-то есть, дышать местным воздухом — бывает, не получается у человека адаптироваться.

— Да-да, я, конечно, все это читала, учила... но читать одно, а на себе испытать...

— Совсем другое, да, — Иван улыбнулся.

Прошин позволил себе бросить взгляд на собеседницу. Светлана смотрела на него, чуть улыбаясь, и он поспешил отвести глаза и потом поспешил скрыть, что отвел глаза, и потом...

— А что значат эти буквы и цифры? — спросила Светлана после пары секунд таких перегибков.

— Линзы прижились? — спросил в ответ Иван.

— Ну да. Это, наверное, невежливо?

— Да, без особой необходимости лучше не разворачивать AR-метку человека. Или попросить разрешения, — Прошин улыбнулся. — Но мое разрешение у вас есть.

— Спасибо. Я запомню, — сказала Светлана.

— Буквы — это Марс. Я только вернулся с командировки. Цифры — год, номер миссии и выбранная доза радиации.

— Радиация желтым, — заметила Светлана.

— А они у всех, кто только побывал на орбите, желтые. Работать и работать, — вздохнул Иван. — Ты себе талисман выбрала?

— Нет еще. А я вот и хотела спросить кого-нибудь, как это можно...

— Ну просто. Достань планшет. Когда наденем комбинезоны, управлять сетью будет — пальчиком пошевели, и готово. А пока так.

— Достала.

— Личный кабинет в Межкосмосе. Вы зарегистрированы?

— Конечно.

— Ну вот галерея талисманов, которые брали с собой космонавты когда-нибудь. Можешь любую игрушку.

— Да я с собой взяла...

— Тебе никто не даст лишнее место занимать ни в корабле, ни на станции. — Прошин покачал головой. — Вы знаете, сколько народу там?.. — он ткнул пальцем в небо. — Талисман виртуальный, видимый только для вас. Персональный индикатор невесомости.

— А у тебя есть? — в глазах Светланы заиграли искорки. — Показать можешь?

— Ну... — Прошин замялся.

— Ладно, — девушка подняла руки, — не хочешь — как хочешь.

Прошин молча провел пальцем по экрану устройства.

— Ой, — на экране появился малыш, одетый в цветастую рубашонку и темные штанишки, с виноватой улыбкой на кукольном личике. — Растрепка...

Прошин смущенно потупился.

— Скажите, Иван, мы на орбиту... быстро прилетим? — спросила девушка.

Прошин вздохнул.

— Ну как сказать... да быстро, в общем. Готовиться дольше. Сначала нас рассадят в самолете, будем ждать проверку, диагностику, погода опять же — на Байконуре в это время осадков нет, а это, — он кивнул на окно, — мое счастье, что ли...

— А потом?

— Зажгут двигатели, и мы так — фьюить!.. — Прошин махнул рукой. — Со стола отделение плавное, в первый раз люди и не чувствуют ничего, потом постепенно перегрузка наваливается... ну там дышать немного трудно... но только немного, ничего страшного нет. А дальше — только продышался, и уже на орбите.

— И все?

— Ну как все... с орбиты еще до техцентра добраться надо, а там по какой схеме пойдём. Если ЦУП даст добро на один виток — хорошо, а нет, так тоже бывает, придется почти сутки вокруг шарика накручивать.

— Ой, вас послушать самое страшное, выходит, своего дожидаться, — усмехнулась Светлана.

— А в том и дело, — Прошин улыбнулся в ответ, — ремесло такое, ждать и догонять.

— Ну, хорошо, мы добрались до техцентра, а дальше?

— Вот не поверишь, — Прошин рискнул окончательно перейти на ты, — дальше опять ждать. Пассажиров межзвездного транспорта привезут двумя рейсами с Земли и с Луны, кто-то с Марса должен быть, вот и будем ждать, пока соберут наш рейс. Потом стартуем.

— ТЭМ большой? То есть я видела картинки, у нас в Уфе целый музей собрали, модель ТЭМа стоит, но так, живую...

— Так большой, а так не очень, — Прошин поспешил пояснить: — Он, понимаешь, в длину сто пятьдесят и в ширину сто метров, только большая часть длины и ширины приходится на решетчатые конструкции — фермы, трубопроводы, солнечные батареи...

— А зачем солнечные батареи?

— Аварийное питание. На фермах с одной стороны жилой отсек, с другой — реактор и блок двигателей. Здоровая такая дура, только полезный объем шестьсот кубов кое-как. Не поняла?

— Не очень.

— Ну, это как один подъезд пятиэтажного дома, только в доме большая часть приходится на квартиры, а на ТЭМке примерно треть от всех «квартир» занимает рубка управления.

— А как мы там жить будем?

— Жилой отсек разбит на кубрики, в каждом по четыре ложементы. Ну, кают-компания есть... но в основном вся жизнь идет в кубриках.

— Это из-за излучения.

— Да. Я все забываю, что ты медик. Большой жилой отсек сделать не получается, потому что тогда придется генерировать электромагнитное поле на большей площади, а это вредно для человека. Вот, нашли компромисс.

— Скучно будет.

— Да не успеешь соскучиться. Лететь десять дней, так что...

— Это похоже на старт с Байконура?

— Нет, совсем нет. Просто в космосе два корабля расстыковались — один полетел в одну сторону, другой в другую.

— Я, наверное, крошки съесть не смогу...

— Ну сначала да. Привыкнуть надо.

— А ты много летал?

— Как сказать... Вообще много. Но половина командировок у нас по планете — в Китай, в Индию, а в космосе я на орбите был, на Луне, на Марс была командировка. К звездам не летал, туда лучше либо в один конец лететь, либо раз слетал, и хватит.

— Не хочешь лететь?

— Хочу — не хочу... надо, — Прошин вздохнул. — А ты? На Муроме своих врачей нет?

— У меня в семье все врачи — мама, папа, бабушка с бабушкой, брат старший, — Светлана улыбнулась. — Что?..

— Ваша улыбка, — сказал Прошин. — Тысяча звезд...

— Ловелас, — Светлана, смеясь, шлепнула его по плечу.

— Да ладно, ловелас вон на гитаре тренькает... — Прошин засмеялся вслед за девушкой. — Так что там с семьей?

— Династия, — сказала Светлана, — все врачи, все разговоры дома про медицину, когда пришла пора выбирать профессию... выбора-то и не было.

— Нет, это понятно... но ты же собралась лететь... Ты вообще представляешь себе, как это далеко?

— На Муроме сложная микробиологическая обстановка, — сказал Светлана, — жаркий влажный климат, много животных, растений. Дети постоянно болеют, карантин объявляется по всей колонии, не то что в одном городе, а врачей-специалистов, у кого за плечами школа, там нет и готовить некогда.

— И отправили тебя?

— Я сама попросила.

— Да? Понятно... — хрупкая девушка без нытья и лишних рассуждений собиралась отправиться в Бездну просто потому, что считала это своим долгом.

Прошин спрятал глаза.

— Нам, кстати, пора. У тебя что, опять уколы?

— Нет, я закончила. Барокамера, по-моему, — Светлана достала планшет.

— А мне один остался. Только сначала я сюда взгляну, — Прошин кивнул в сторону двери с табличкой «М». — Звезды зовут.

Весь оставшийся день Прошин вспоминал этот разговор и улыбался. Психологу он позвонил так же — улыбаясь.

Тот Самый День начался обыденно: подъем, зарядка-завтрак, личное время... После обеда пассажиров и экипаж самолета собрали на брифинг.

— Здравствуйте, товарищи, — начальник оперативной группы осмотрел зал, кивнул экипажу орбитера. — Начинаем совещание Госкомиссии по поводу старта орбитального самолета «Волга», рейс номер ноль девять ноль пять. Присутствуют: председатель Госкомиссии, начальник оперативной службы космодрома Байконур Пашкевич, руководитель группы медицинского обеспечения Магомедова, начальник штаба оперативной

группы Мажейка, представитель завода-изготовителя, Коновалов, научный консультант Трифонов, экипаж орбитального самолета, пассажиры. Время на часах шестнадцать ноль три, запись ведется.

Председатель сделал паузу.

— Начнем с людей. Пассажиры, доложить самочувствие, может быть, есть просьбы, претензии к работе медицинской службы, персоналу гостиницы?.. — Жалоб не было. — Хорошо, Светлана Сергеевна, состояние здоровья позволяет допустить к полету членов экипажа, пассажиров орбитального самолета?

— Да, позволяет, — прозвучал четкий ответ.

— Вас понял. Раймондас Марюсович, доложите готовность самолета.

— Профилактические работы проведены согласно графика. — Раймондас здорово сдал за это время. Одни глаза остались... — Все системы работают нормально, претензий к заводу-изготовителю нет.

— Вас понял. Виктор Петрович, что нам ЦУП скажет?

— Предварительно получено согласие на одновитковую схему полета. — В зале оживились, Алтай явственно сказал: «Правильно».

— Погода?

— Солнечно, ветер три метра в секунду.

— Вас понял. Вопросы будут?

Вопросов не возникло. Космонавтов повели на процедуры.

Душ, обработка кожных покровов. Выдали комбинезоны — светло-серое одеяние с панелью системы жизнеобеспечения на груди слева и метками дополненной реальности на груди справа и на обоих руках, уровень противорадиационной защиты А (легкий), подгоняется

по размеру на месте (с него пошла мода на гражданскую одежду плавающего размера). Скафандры полагались пилотам орбитера, пассажиров защищали капсулы безопасности.

Автобус до космодрома. Обтекаемые формы кузова, мягкий салон с современной мультимедиа и — древний Байконурский обычай: мальчики направо, девочки налево...

Площадка 45. Ангар МИКа, надвинутый на серебристый самолет с двумя толстенными трубами разгонных блоков под крыльями. До кабины подъем на лифте, посадка согласно расписанию...

Всю пилотируемую космонавтику на планете обслуживали четыре космодрома: американцы поднимались на орбиту из благодной Флориды, китайцы стартовали из курортного Вэньчана и садились на недавно отвоеванную у океана посадочную полосу, индусы заходили на посадку вдоль Бенгальского залива, мы использовали старый добрый Байконур. Остальные участники космической деятельности либо ограничивались арендой места в орбитере как Европа, уже столетие как пытающаяся выстроить собственный космический центр, либо отправкой одноразовых кораблей (пилотируемых или капсул безопасности) как Иран, Япония и Бразилия.

Каждому космодрому полагалось шесть орбитеров: четыре в работе, два на обслуживании. Американские и индийские «шаттлы» Прошин знал только по названиям, на китайском «Фуся» ему пришлось разочек слетать туда-сюда (оба раза попал на один самолет), зато свои кораблики, названные по именам русских рек, Иван вдоль и поперек исползал, когда на третьем курсе

загремел на практику в стартовую команду. Они подрались тогда в общаге — с Вовкой же и подрались, Иван поддел его за несданный зачет, а Рыжий полез кулаками махать. Это бы ничего, никто бы не узнал, но они, пока мирились, разодрались с нарядом полиции и дружбу крепили уже в трезвяке, поэтому практику вместо «Академика Вернадского», «Виманы» или «Циолковского», за что причитались немаленькие премиальные, оба проходили в службе Байконура. Прошин знал и «Амур», и «Днепр», и «Енисей», и «Волгу», на которой им предстояло отправляться на орбиту, и хотя «Дон» с «Камой» на момент его практики увезли в Самару, про них Иван тоже кое-что мог рассказать.

Начинал с самых низов. Техник по ЛАИД, слон, мордорот, Раймондасу, конечно, рассказали, что к чему, и они с Рыжим то меняли тормоза шасси, заливаясь отработкой с головы до пят (неопытные оба, что возьмешь), то крепили шланги гидравлики, а сколько радости было, когда на «Днепре» полетела заслонка в говнобаке... Им с Вованом выделили подсобку, открыли на фиг окна (а зима на Байконуре — это зима на Байконуре), и они ковырялись в зловонных внутренностях агрегата, водворяя на место оторвавшуюся пружинку.

Прошин сморщил нос.

— Сокол-100, самочувствие? — раздалось в наушниках.

— Сокол-100, самочувствие норма. — Пассажиры в орбитальном самолете сидят сразу за кабиной пилотов в два ряда. Мягко светится потолок, окрашивая внутренности салона светло-зеленым, нет привычных рядов кресел как в обычном самолете, ложементы выполнены в приливах корпуса капсулы безопасности так, чтобы космонавт встречал стартовые перегрузки лежа,

а на орбите можно собрать ложемент мягким креслом, можно надуть спальник, если дорога дальняя. В стенке возле колена — лючок со шлангами туалета, на уровне груди тоже лючок, под ним НАЗ, носимый аварийный запас, где чего только нет...

Оружия нет. Оружие у экипажа, ребятам полагается пистолет с запасной обоймой, но это на старушке-Земле, где все зверье посчитано, учтено и радиомаяками снабжено; в Колониях, говорят, пилоты возят целый арсенал на случай аварийной посадки, и космонавты еще стволы таскают. «Теперь точно знать буду», — подумал Прошин.

— Ребята, объявили предстартовую готовность, — сказал командир по внутренней связи. — Жалобы, пожелания?..

— Легкой дорожки нам, — крикнула Любовь.

Недовольное замечание ее мужа потонуло среди одобрительных восклицаний прочих пассажиров корабля.

— Начинаем отсчет, — сказал командир, дождавшись, пока в салоне установилась тишина.

Мысли о предстоящем путешествии больше не вызвали оскомины, он снова был космонавтом-профессионалом, плоть от плоти покорителей Вселенной, сделавших сказку былью и, дали б только команду, Бога войны усадивших яблонями, и предстоял ему старт на колеснице, запряженной огненными жеребцами, и... и видела б Светлана! Прошин повернул голову, но из соседнего кресла благожелательно улыбалась Марица. Иван криво улыбнулся в ответ — предмет его вождельний находился далеко впереди, рядом с Яковом, и, судя по доносящемуся смеху, гитарист и сердцеед времени не терял.

Тянулись минуты. Наземные службы проверяли самолет, проверяли разгонники, запрашивали самочувствие экипажа и пассажиров, а потом перепроверяли проверенное...

— Внимание, пассажирам приготовиться!.. — Пилотов Прошин не знал. Со Свободного ребята, учились в Челябине.

— Ребята, все хорошо? — крикнул капитан.

— Хорошо!.. — на разные лады отозвались пассажиры, а Прошин помахал рукой объективу видеокамеры перед ним и негромко сказал:

— Поехали.

— Ключ на старт, — прозвучало по внутренней связи. Отсчет.

Старт.

Как он и обещал Светлане, отделение со стартового стола мягкое, только весь самолет вздрагивает так, что становится понятно: обратной дороги нет. Двигатели режут где-то сзади-снизу, и дрожь от их работы проникает в самое сердце. Тяжесть на груди, словно мешок муки положили.

Разгонные блоки заканчивают работу на высоте шестидесяти километров. Толчок — турбина прямооточника выходит на рабочую мощность, и на грудь словно добавили мешочек. Жаль, все медиа отключено до выхода на орбиту, и ни вокруг не осмотришься, ни перемигнуться с кем-нибудь.

Но вот стало легче дышать. Вот — легкость в теле, предшествующая невесомости. Отключились, наконец, двигатели, слышно, как гудят вентиляторы, гоняя воздух по кабине.

Домовенок поплыл по кабине — они на орбите.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Веселые старты.....	5
Глава вторая. Пепелац	48
Глава третья. Двенадцать	97
Глава четвертая. Эцилоп	137
Глава пятая. Plein air	178
Глава шестая. Космоархеолухи	223
Глава седьмая. Звезды на небе.....	255
Глава восьмая. Прошел год	298
Глава девятая. Его Надежда.....	338

Анатолий Дерягин родился в Челябинске в год московской Олимпиады. Живет в Магнитогорске, работает машинистом тепловоза на Магнитогорском металлургическом комбинате. Космической фантастикой увлекся в десять лет — после крестокрылов, лазерных мечей и пейзажей иных миров, увиденных в «Звездных войнах», все прочее казалось скучным.

Командировка на другую планету, в один день изменившая жизнь Ивана Прошина, казалась поначалу легкой прогулкой в поисках артефактов древней цивилизации. Но чем дальше Прошин со спутниками углублялись в дебри инопланетного леса, тем туже затягивался узел противоречий, связавший воедино земные колонии, саму планету Земля и даже инопланетян. Чтобы разрубить этот гордиев узел, пришлось вернуться в Солнечную систему, где затевалась грандиозная афера, способная изменить саму суть человеческой цивилизации...

ГОРОДЕЦ
ФЛЮИД

www.gorodets.ru

ISBN: 978-5-907220-14-0

9 785907 220140